

Любимова Г.В. “Обыденная рубаха”: способ избавления от повального мора, зафиксированный в б. Малышевской вол. Барнаульского у. Томской губ. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭ СО РАН, Новосибирск, 2000. с.507-510.

Данное сообщение является продолжением серии работ, посвященных изучению способов ритуального реагирования разных групп русских сибиряков на стихийные бедствия и прочие ситуации коллективного неблагополучия [см.: Любимова, 1997, 1999 и др.].

Некоторое время назад во время работы в Сузунском районном краеведческом музее нами был обнаружен очерк местного краеведа П.Ф.Пирожкова (1908-1979), в котором описывались события, связанные с зарегистрированной здесь в 1892 г. холерой. В нем, в частности, шла речь об изготовлении женщинами деревни Зориной рубахи, которая, по мнению жителей, должна была спасти их от надвигающейся смерти - к тому времени деревня оставалась единственным островком, не затронутым холерным пожаром, бушевавшим в Сузуне, Малышево, Тараданово и других приобских селах. Особенность этой рубахи состояла в том, что всю ее - от обработки сырья до последнего стежка - нужно было сделать в течение одного дня. *“Деревенские женицины, - читаем в очерке, - старались превзойти себя. Летела конопляная костра из под трепала, со звоном шипела железная щеть и тут же кудель попадала в руки прядильщиц. Свистели веретена, а кто-то уже гонял пустую сновалку, готовясь принять пряжу для основы. Кто-то тащил станины кросен и остальные части ткацкого стана. К вечеру готовая рубаха на глазах любопытной детворы была повешена как пугало у ворот поскотины”*.

В этнографической литературе зафиксированы разнообразные сведения об изготовлении “обыденных” (то есть, сделанных в течение одного дня или одной ночи) предметов для защиты от засухи, града, мора и прочих бедствий, однако столь подробное описание обряда на сибирском материале было предпринято впервые. Жанр этнографической беллетристики, к которому можно отнести указанный очерк, допускает элементы художественного вымысла, влекущие за собой непреднамеренное искажение действительности, поэтому для проверки того, насколько точно автор воспроизвел этнографические детали и всю обстановку обряда необходимо было получить информацию непосредственно на месте описанных событий.

Как следует из описания П.Ф.Пирожкова, руководил обрядом Иван Гаврилович Сотников, “которого зоринцы считали рассудительным и к тому же обладающим тайной знахарской силой”. Именно он “решительно настоял” на том, что кроме обычных мер, призванных не допустить распространение заразной болезни (закрывание всех входов и выходов, установка карантина и зажигание навоза вокруг деревни), следовало предпринять меры магического порядка.

Подворные и похозяйственные книги за 1920-30-е годы, хранящиеся в сузунском районном архиве, показывают, что семейный клан Сотниковых в с.Зорино насчитывал не один десяток человек. В хозяйстве Ивана Давидовича Сотникова, к примеру, высевались рожь, пшеница, овес, ячмень, просо, греча, картофель, лен и конопля, наемный труд в нем не применялся, тем не менее,

согласно “Описи имущества кулацких хозяйств” Зоринского сельсовета за 1930 г. хозяйство было признано кулацким, а сам домохозяин - “социально-опасным” и подлежащим высылке с семьей “из пределов (Западно)-Сибирского края” (ф.46, оп.1, №8).

По словам Анны Тимофеевны Сотниковой (1917 г.р., в девичестве Немчиновой), Сотниковы в Зорино слыли колдунами. Свекр ее, Лука Иванович, и в особенности его отец, Иван Гаврилович, “шибко колдовали” - могли, к примеру, сделать так, чтобы на свадьбе в избе пошел дождь. Самого Ивана Гавриловича, про которого говорили, что он “знающий”, она помнит уже слепым (именно его, по всей видимости, и описал в своем очерке П.Ф.Пирожков, - Г.Л.). Что касается обыденной рубахи, то А.Т.Сотникова сообщила следующее: еще давно, когда колхозов не было, у них в деревне был “*большой тиф, много людей поумирало*”. Тогда нужно было “*в один день напресть, выткать и шить рубашку, надеть (ее) на человека, чтоб (он) круг деревни (в ней) обежал*”. Делали такую “*рубаху-обыдёнку*” человек десять-пятнадцать женщин - “*утром соберутся, лен прядут, ткут, шьют*”, а к вечеру - заканчивают.

Данные сведения полностью подтвердила уроженка с.Зорино Евдокия Михайловна Некрасова (1921 г.р.), ныне проживающая в с.Тараданово. В Зорино, по ее словам, в 1931 г. был сильный тиф, по этому поводу “*собрались человек десять женщин и стали лен мять, прядь и ткать*”. Готовую - “*обыдённую*” - рубашу повесили на кол, “*чтоб ветром обдуло*” (ср. обобщенное название заразных болезней - “моровое поветрие”, - Г.Л.). Заболевший человек должен был обежать в ней кругом села - “*кто рубашку наденет, тот выздоровеет*”.

Со временем, как видим, обыденные рубахи в большей степени стали использоваться как средство индивидуального излечения, предполагавшее непосредственный (телесный) контакт больного с “целебной” тканью. Подобный способ применения обыденных рубах у сибиряков-старожилов был зафиксирован Е.Ф.Фурсовой - ср.: “одевание рубахи... имело цель... обмануть болезнь подарком и отдать одежду взамен живых людей” [Фурсова, 1992, С.52]. Вместе с тем, сравнительные материалы по славянской этнографии показывают, что обыденные предметы (холсты, полотенца, деревянные кресты и даже храмы) чаще всего создавались в ситуациях, угрожавших благополучию всего коллектива, в том числе, во время военных действий - ср. сербский обычай, согласно которому все уходившие на войну мужчины должны были пролезть через сотканную и сшитую за одну ночь рубашу, что должно было предохранить их от смерти [Славянская мифология. С.281].

В статье, специально посвященной “обыденным” полотенцам и храмам, Д.К.Зеленин писал, что возникновение самой идеи “обыденности”, “с психологической точки зрения” остается загадочным [Зеленин, 1994, С.212]. В то же время, скрупулезный анализ белорусского и западнорусского материала позволил автору прийти к выводу, что магические свойства обыденных предметов заключались в “безупречной чистоте”, обусловленной способом их изготовления, который исключал какой бы то ни было контакт с нечистой силой [Там же, С.204-205].

Наряду с признаком чистоты исключительное значение, на наш взгляд, имели полнота и завершенность всего процесса, его “спрессованность” во времени, что обеспечивало продуктам труда сакральность и магическую силу.

Интересную аналогию этому можно увидеть в обычае, зафиксированном на Брянщине: в экстремальных ситуациях - для вызывания дождя или для обезвреживания ведьмы - здесь допускалось **одновременное** исполнение всех известных в традиции календарных песен, в то время как обычно исполнение календарных песен отличалось строгой сезонной приуроченностью [Пашина, 1999, С.321-324]. Не исключено, что зафиксированный А.Ю.Майничевой обычай, согласно которому сибиряки-старожилы не препятствовали переселенцам в устройстве на жительство, если приезжие смогли поставить дом за одни сутки [см.: Майничева, 2000, С.64-65], также был связан с представлениями о сакральности возведенного за один день строения.

Изготовление “обыденных” предметов может быть также сопоставлено с исполнением так называемых “операционных” фольклорных текстов, представляющих собой последовательный рассказ об обработке (или - в христианском преломлении - “о житии и страданиях”) культурных растений - льна, конопли, злаков и др. “Обыденный обряд”, - как пишет А.Б.Страхов, - это ритуализованное последовательное предметно-действенное воплощение “операционного текста”, нередко редуцируемого за счет начальных стадий производства... Операции прядения, плетения, навивания основы, тканья связаны... с упорядочиванием мира, творением к о с м о с а. Быть может,.. эффективность “обыденного” акта связана с тем, что в нем сакральный элемент к у л ь т у р ы дан, так сказать, в сгущенном виде: за счет опускания стадий, более связанных с п р и р о д о й” [Страхов, 1985, С.367]. Стихийные бедствия, повальный мор и прочие ситуации коллективного неблагополучия воспринимались традиционным мышлением как нарушение Мировопорядка в целом или временный возврат к ситуации хаоса, поэтому восстановление прежнего, ненарушенного хода жизни подразумевало воссоздание акта первотворения, с которым можно соотнести любой вид обыденного производства, смысл которого состоял в том, чтобы “слить начало и конец работы в... ограниченном временном промежутке” [Страхов, 1985, 368], то есть, воспроизвести полный технологический цикл в одной из сфер человеческой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Зеленин Д.К. “Обыденные” полотенца и обыденные храмы (Русские народные обычаи) // Зеленин Д.К. Избранные труды по духовной культуре. 1901-1913. М., 1994 (первое издание см.: Живая старина, 1911, №1).

Любимова Г.В. Способы борьбы с засухой в традиционной обрядности русских крестьян Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997, №3.

Любимова Г.В. Орудия труда и предметы домашней утвари как средство защиты от стихийных бедствий (на материалах старожилов и переселенцев Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т.V. Мат-лы VII Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1999.

Майничева А.Ю. Семантика печи в культуре сибиряков-старожилов Верхнего Приобья // Гуманитарные науки в Сибири. 2000, №3.

Пашина О.А. “Борона” // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Страхов А.Б. Восточнославянское *обыденный* (семантика и происхождение слова и понятия) // Russian Linguistics. 1985. V.9.

Фурсова Е.Ф. “Целительные” свойства рубах русских крестьян // Известия СО РАН СССР. Серия: история, филология, философия. Новосибирск, 1992, №1.
